Arnold Toynbee, other scientists on forces that move historical development of ethnic cultural systems, and a circle of factors that give an impulse to ethnic cultures to consolidation and integration. The author stresses out a strategic importance of encouraging ethnic and cultural diversity which the today's Eurasian region has as a countermeasure for involuntary cultural standardization.

Keywords: *the Eurasian culture, a multicultural society, the Eurasian world, Eurasianism, theories about an ethnic culture, Russian culture, a supranational culture, worldviews of an ethnic culture, cultural divertissement of the Eurasian region, inter-ethnic dialogue between peoples of Eurasia.*

References

1. Amogolonova D. D. Buddizm v Burjatii: Rossijskoe gosudarstvo i konfessional'naja konkurencija [Buddhism in Buryatia: The Russian State and Inter-Confessional Antagonism] // Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]. Moscow, 2015. Is. 36: Religii na Vostoke [Religions in the East]. Pp. 50–41. [In Russ.].
2. Aiazbekova S. Sh. «Kul'tura Evrazii» i «evrazijskaja kul'tura» [“The Culture of the Eurasia” and “The Eurasian Culture”]. URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/культура-евразии-и-евразийская-культура-сабина-аязбекова.html> (12.01.2018). [In Russ.].
3. Krishtapovich L. E. Belarus' kak russkaja svjatynja [Belarus Is the Russian Sacred Object]. Minsk, 2012. 141 p. [In Russ.].
4. Laruelle M. Ideologija russkogo evrazijskogo ilimysli o velichii imperii [Russian Eurasianism Ideology or Thoughts About The Empire's Mightiness]. Moscow, 2004. 287 p. [In Russ.].
5. Manjahina M. R. Konfessional'nye osobennosti sibirskoj kul'tury Novogo vremeni [Confessional Peculiarities of Siberian Culture in Modern Era] // Polikul'turnoe prostranstvo Rossijskoj Federacii [Multicultural Space in the Russian Federation]. Saint-Petersburg, 2013. Pp. 223–241. [In Russ.].
6. Matis V. I. Kul'tura mezhnacional'nogo obshhenija v sisteme social'no-nacional'nyh svyazej na Altae [Culture of Inter-Ethnic Communication in Context of Social and Ethnical Relations in the Altai Region]. Barnaul, 2017. 316 p. [In Russ.].
7. Matis V. I. Polikul'turnoe obrazovanie v sovremennom obshhestve [Multicultural Education in the Modern Society]. Barnaul, 2016. 307 p. [In Russ.].
8. Russkij uz el evrazijskogo. Vostok v russkoj mysli [The Russian Center of the Eurasianism. The East in Russian Philosophical Thought]. Moscow, 1997. 526 p. [In Russ.].
9. Toynbee A. D. Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow, 2010. 640 p. [In Russ.].
10. Toffler A. Shok budushhego [The Future Shock]. Moscow, 2002. 557 p. [In Russ.].
11. Trubetskoy N. S. Nasledie Chingishana [The Legacy of Genghis Khan] // Obshheslavjanskij jelement v russkoj kul'ture [Common-Slavic Component in the Russian Culture]. Moscow, 2007. 287 p. [In Russ.].

УДК 114(4/5):168.522(470+571)

DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-23-29

О. В. Первушина, кандидат культурологии, доцент,
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
agaki-pervushina@yandex.ru

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК «МЕСТОРАЗВИТИЕ» В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Охарактеризованы особенности интерпретации в современном социально-гуманитарном знании и культурологии категории «пространство» как физического, социального и знаково-символического типов реальности («текста») во взаимосвязи и взаимообусловленности их характеристик и сущностных черт. Изложен анализ взглядов сторонников социально-философского учения евразийства на феномен пространства, выражаемых через авторский (П. Н. Савицкий; 1895–1968 гг.) термин «месторазвитие», обозначающий в отечественной геосоциокультурной мысли специфический процесс пространственно-временного взаимодействия между социумом и вмещающим его ландшафтом.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, семосфера, текст, «месторазвитие», социальная реальность, «евразийство», месторазвитие, геосоциокультурный подход.

Культурное пространство – одна из фундаментальных категорий культурологии, с по-

мощью которой выявляется способ адаптации этноса к условиям существования, определя-

ется своеобразие культурного типа, его сущность, уникальность, способы, формы становления и развития в конкретном природном универсуме и в рамках исторического времени.

В этом смысле, культурное пространство возможно понимать как атрибутивную универсалию и как константу, лежащую в основе жизнедеятельности человека и его культуры, напрямую связанную с процессами антропогенеза в любом этническом и национальном типе культуры.

С освоения пространства начиналась история великих цивилизаций древности: от присваивающего хозяйства к производящему, «неолитическая революция» (Г. Чайлд), которая знаменовала переход от охоты и собирательства к возделыванию земли и одомашниванию животных, свидетельствовала о новых отношениях человека и пространства. Каждый новый этап в эволюции человечества означал выработку новых способов адаптации к наличному пространству, с одной стороны, и тем самым творение нового пространства культуры как антропогенной среды существования, с другой. Вероятно, современному человеку сложно представить себе, какое значение для древнего человека имела ориентация в пространстве. Именно с периода определения пространственно-временных координат мы можем говорить о становлении традиционных мифологических культур. Стремление обозначить границы своего существования – физические, социальные, сакральные – и обеспечить их целостность как предел некоего уникального мира, безопасность и возможность сохранения жизни представителей этноса, памяти о предках и существование последующих поколений – в этом заключается основной смысл первичных форм символической деятельности человека архаической эпохи, когда он впервые разграничил мир на «свой» и «чужой». Актуальность смыслов понимания пространства и ориентации в пространстве не потеряла своего значения и в современную эпоху – эпоху глобализации, когда пространство жизнедеятельности человека, по выражению М. Маклюэна, превращается посредством интернета в «глобальную деревню», продуцируя стандарты, стереотипы, модели поведения новой техногенной культуры. Информационное общество менее всего обеспокоено сохранением самобытности уже существующих культур и нацелено на производство инновационных универсальных культурных образцов и моделей «для

всех» без учета этнического своеобразия пути, пройденного каждой культурой, а значит и особенностей пространства, в котором она развернула свой потенциал и которое есть ареал воплощения идей и смыслов культуры определенного этноса. В этих условиях актуальными становятся вопросы исследования пространства культур, которые в эпоху глобализации стремятся сохранить связь со своим прошлым, для которых «культурная память» – не только мемориальная составляющая культуры, традиции и образ жизни предков, а реальность современного бытия, включенная в систему ценностей и мировоззренческих представлений человека XXI века.

В контексте данной проблематики заслуживают внимания идеи, связанные с осмыслением такого явления, как «культура Евразии», так как в контексте размышлений основателей этого идейного движения и их последователей она представляется типом культуры, который в своей структуре сохраняет и сочетает и традиционное и инновационное. В связи с этим представляет интерес анализ данного типа культуры с точки зрения исследования «пространства», так как именно категория «пространство» позволит приблизиться к выявлению специфичности данного типа культуры и попытаться расширить объяснительный контекст идеи «Евразия» не с идеологических, а с культурологических позиций.

Пространство рассматривается рядом естественных, социально-гуманитарных наук с разных точек зрения и со стороны множества функций, им реализуемых – как территория, как социальная практика, как ценностно-смысловая и знаково-символическая реальность. Иными словами, мы различаем пространство как физическую реальность, пространство как социальную реальность и пространство как символическую реальность. Особенность культурологического подхода в исследовании концепта «пространства» состоит в том, что все эти три подхода рассматриваются в единстве, синтезируя межпредметный опыт исследования: пространство как ландшафт, пространство как социальная жизнедеятельность и пространство как знаково-символическая сфера (семиосфера, по Ю. М. Лотману).

Категория пространства не так очевидна и всесторонне исследована в социально-гуманитарных науках, как это представляется на первый взгляд.

Пространство, интересующее нас как социальный и культурный феномен, имеет свою

историю исследования, в основном связанную с философией, социологией, близкой ей социальной географией, антропологией, этнологией; культурологические аспекты исследования развернулись значительно позднее. В исследовании пространства как культурной реальности социальной географией, философией, культурологией, антропологией, этнологией и другими социально-гуманитарными науками, изучающими природу, человека и культуру, можно выделить следующие аспекты:

1. Пространство как физическая реальность, где имеют место геосоциокультурные подходы, рассматривается социальной географией. Социально-географическое пространство в данном случае равно понятию «земное пространство», состоящее из геосистем, ландшафтов, элементов, связей и отношений, что обеспечивает его непрерывность. Географическое пространство включает атрибуты времени, свойства и размерность географических объектов. Географическое пространство трактуется как вмещающий человека и его социальность природный ландшафт, который в результате человеческой жизнедеятельности претерпевает изменения и модификации, как и становящаяся во времени и пространстве человеческая социальность.

2. Пространство как порождение человеческой социальности, как определенным образом организованная среда с установленным порядком и правилами. Именно человеческая социальность рассматривается как исходное качество, породившее определенным образом организованное пространство. Наличие «социального альтруизма» у наших древних предков, способствующего разумной организации их жизни, а значит безопасности и выживанию, по мнению американского исследователя Н. Уэйда, является первичным способом и механизмом антропогенеза, задающим ориентацию в физическом пространстве и смыслы конструирования социального пространства [1, с. 269–278].

3. Пространство как знаково-символическая реальность. Данный аспект определяется тем, что культура – это знаково-семиотический код, то есть всегда система знаково-символических форм. Именно, исходя из этого принципа, можно говорить о культуре как о «тексте», в котором закодированы основные представления этноса о пространстве и связанного с ним времени.

На наш взгляд, единство данных аспектов – физического, социального, символического – определяет сущность культурологиче-

ского подхода в исследовании пространства. Взаимосвязь этих подходов позволяет рассматривать категорию «пространство» как целостную культурологическую проблему, определяет значимость исследования пространства как культурной реальности, воплощающей образ жизни и мировидения этноса в культурной памяти поколений. Многообразие культур различных этнических миров соответствует многообразию пространственных представлений этносов. Проблемой современного исследования пространства как культурологической категории является отсутствие целостного культурологического подхода в изучении пространства как культурного топоса и реальности, представляющей собой текст определенной культуры. Необходимо определить концептуальное поле данной проблемы, обращаясь к трудам исследователей, которые носят междисциплинарный характер.

Социальное пространство есть форма существования социального бытия человека, оно характеризуется протяженностью, структурностью, взаимодействием и сосуществованием социальных элементов. Пространство возможно рассматривать с субстанциональных и с реляционных позиций. С субстанциональных позиций социальное пространство отождествляется с географическим пространством (территория, географические зоны, государственные границы). В рамках реляционного подхода пространство создается отношениями между людьми. В этом аспекте оно представляет результат отношения человека к миру, можно сказать, что в нем воплощается культурная картина мира этноса.

Впервые анализ проблемы социального пространства был предпринят П. А. Сорокиным в работе «Социальная стратификация и социальная мобильность», посвященной проблемам бытия и движения индивида в пространстве. Сорокин отделяет понятие социального пространства от геометрического, которое им понимается как эмпирическое. Ученый утверждает, что «...находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб) в социальном пространстве отделены громадной дистанцией», и напротив, социально близкие люди вне зависимости от геометрической удаленности сохраняют свою общность [2, с. 297]. «Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, – пишет исследователь, – и наоборот, оставшись в том же геометрическом про-

странстве, он может радикально изменить свое социальное положение» [2, с. 297]. Таким образом, очевидны выводы, сделанные Сорокиным, что геометрическое и социальное пространство глубоко отличны друг от друга. П. А. Сорокин трактует социальное пространство как «социальную вселенную», в которой внутренние связи – горизонтальные или вертикальные – между социальными группами и индивидами, их вариативность, разнообразие определяют уникальность и неповторимость данного типа объединения, а значит именно этого социального пространства. Таким образом, социальное пространство есть форма существования социального бытия, характеризующая протяженность, структурность, взаимодействие и сосуществование социальных элементов.

Идея социального пространства присутствует в теории структуризации английского социолога Энтони Гидденса. Она получила свое развитие в признании дуализма – взаимодействия сруктурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик. По мнению исследователя, общество нельзя рассматривать только как результат деятельности или порождение индивидуальных субъектов. «Структуральные свойства социальной системы существуют только благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве» [3, с. 15]. Именно эти «структуральные свойства» есть не что иное, как способность системы не только порождать социальные факты, социальные способы и нормы существования, но и сохранять, передавать эти образования во времени и пространстве, порождая и сохраняя тем самым надындивидуальные формы существования, образующие единое пространство разных поколений, объединенных ментальными, духовными основами. Понимание социального пространства французским социологом Э. Дюркгеймом близко пониманию Гидденса. С точки зрения ученого, оно складывается из социальных фактов двух родов – морфологических, к которым он относит демографические, технологические и экономические факты, и из коллективных представлений, то есть фактов коллективного сознания. Именно последние особенно значимы для исследователя – в них раскрывается специфика общества. Коллективные представления – это общие идеи и верования, которые связывают людей, формируют социальную ткань бытия человека. Поэтому Дюркгейм считал коллективное сознание жизненным уз-

лом всего общества. Более того, общество, по мысли Э. Дюркгейма, – «...синтез – творение целого, то именно целое есть та сцена, на которой разворачивается действие» индивидуального сознания [4, с. 234]. Проблема социального порядка и беспорядка, общественной нормы и социальной патологии – рассматривается исследователем именно в этом контексте. Специально он выделяет понятие «социальная солидарность», под которой понимает определенную целостность общественной жизни, коллективность, вышший моральный принцип. Коллективные представления по Дюркгейму исторически связаны с религиозными верованиями и обрядами, правилами морали, правовыми предписаниями и т. д. [4, с. 233]. Э. Дюркгейм считал, что истинная цель ритуальных практик – обеспечить выработку базовых коллективных идей внутри собравшейся популяции людей. Без выработки этих базовых коллективных представлений невозможны социальная кооперация и коммуникация, а значит единое жизненное пространство.

В этом контексте органично могут быть представлены исследования социального пространства французского социолога и философа Анри Лефевра. Он заострил внимание на проблеме возникновения социального пространства. По мнению Лефевра, социальное пространство создается не только в процессе экономического развития, и в нем задействованы не только участники производственного процесса, социальные субъекты, но и творцы художественных образов и художественной реальности (художники, архитекторы и др.). Созданные ими произведения: культурные ландшафты, архитектурные строения, художественные образы и др. формируют неповторимую художественно-пространственную среду как воплощение созидательных сил многих поколений людей – представителей данного этноса. Пространство – «...результат последовательности или комплекса операций, оно несводимо к простому объекту. Однако в нем нет ничего от фикции, ирреальности или "идеальности", сравнимых с теми, что присущи знаку, репрезентации, идее или сновидению. Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить, побуждая их или запрещая. Ни природа <...> ни предшествующая история не могут полностью объяснить социального пространства <...> Оно не сводится ни к объектам, которые его составляют, ни к их сумме. Эти

"объекты" – не только вещи, но и отношения» [5, с. 70]. Таким образом, Лефевр, рассматривая пространство как результат общественного производства, как продукт социальный, тем не менее, указывает на возможность представления о пространстве как символической, культурной реальности. Он замечает, что категорию пространства сложно интерпретировать, так как помимо объективных, экономических факторов есть факторы «иррациональные», которые тесно связаны с прошлым и вместе с тем этим прошлым полностью не определяются и не объясняются; оно имеют не только эмпирическую, но и символическую природу. Вместе с тем в таком понимании пространства нет ничего «ирреального», оно объективно, существует как данность, вещественная и материальная реальность. В итоге размышлений возникает представление о пространстве как многомерном феномене, который является не только результатом производственных и социальных отношений, но и символическим образованием.

Исследования пространства как знаково-символического образования разворачиваются в работах Ю. М. Лотмана. Он пишет: «Основная "работа" культуры <...> в структурной организации окружающего человека мира. Культура – генератор структурности, и этим она создает вокруг человека социальную сферу, которая подобно биосфере, делает возможной жизнь <...> но не естественную» [6, с. 487]. Лотман полагает, что каждое существование возможно лишь в формах пространственной и временной конкретности и «сознательная человеческая жизнь требует особой структуры "пространство-время"» [6, с. 259]. Эта организация реализуется с помощью семиосферы и сама есть семиосфера. Семиосфера, по Лотману, – это заполненное знаками и символами пространство культуры, в котором существует человек в совокупности с текстами культуры. Весь мир культуры воспринимается субъектом культуры как бесконечный, безграничный текст. Внешний мир в результате деятельности человека и осмысления им в процессе становления как факт культуры подвергается процессу семиотизации представляет собой область и соотношение объектов, несущих смысл и заключающих определенные символы. При этом разные языки по-разному организуют семиосферу. Однако при всем различии культур у семиосферы есть некие устойчивые структурные принципы, о которых говорит Лотман: временная ось обозначается измерениями – прошлое, настоящее, будущее; простран-

ственная ось – внутреннее пространство, внешнее пространство и границы между ними [6, с. 259]. Совокупность текстов неписменных культур и текстов письменных культур составляет метатекст культуры. Метатекст культуры является формой возникновения и фиксации представлений о пространстве и времени, сущность которой – ценностное отношение к последним и их семантическое выражение в определении пространства в социальном бытии человека. Независимо от временной и пространственной точки нахождения субъекта метатекст выступает условием понимания смысла и формирования знания.

Таким образом, исследования Сорокина, Дюркгейма, Гидденса, Лефевра, Лотмана позволяют определить пространство следующим образом:

- пространство обладает структуральными свойствами, с помощью которых конструируется жизненная реальность человеческого общества;

- «коллективные представления» как надындивидуальные культурно-ценностные системы выступают как способы структуриации пространства;

- с помощью языка, мифа, религиозных представлений, философского и научного знания, искусства пространство существует как текст, как «семиосфера», воплощая тем самым «душу народа», сохраняя и транслируя смыслы и образы наряду со временем.

Культурное пространство понимается нами как реальность, образованная потоком феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих друг с другом. Оно включает бесконечное количество разнообразных объектов, вещей, смыслов, которые образуют культурные миры уникальной конфигурации с множеством степеней порядка и способами адаптации к природному ареалу, доминирующей «темой» этноса и траекторией движения во времени. В этом пространстве культурные феномены существуют в различных измерениях; прошлое, настоящее и будущее тесно взаимосвязаны, и прошлое воспринимается не как преодолённое состояние, а как «реальность», существующая в настоящем и определяющая будущее. В этом контексте евразийская категория «месторазвитие», несущая идею целостности и уникальности неповторимого пространственного образования, которое есть социальный, знаково-символический, этнокультурный результат жизнедеятельности этноса на протяжении столетий, является наиболее емким представ-

лением, определяющим смысл и назначение пространства.

Евразийство – идейное движение философов Н. С. Трубецкого, Л. П. Карсавина, историка Г. В. Вернадского, географа П. Я. Савицкого, юриста Н. Н. Алексеева, которое отвергало европоцентристские установки в исследовании культур, утверждая равноправие и равноценность культур, стремилось понять своеобразие истории и культуры России как самостоятельного континента, объединяющего Европу и Азию. П. Н. Савицкий – основоположник русской геополитики, географ, философ, идеолог евразийского движения, интерпретирует понятие «пространство» на новом уровне – как «месторазвитие». Государства, полагал мыслитель, являются родами «общезжитий», строящихся на основе «генетических вековечных связей <...> между растительным, животным и минеральными царствами, с одной стороны; человеком, его бытом и даже духовным миром – с другой» [7, с. 282]. В этих общезжитиях элементы «взаимно приспособлены друг к другу и находятся под влиянием внешней среды, под властью земли и неба», и, в свою очередь, влияют на внешнюю среду. «Взаимное приспособление живых существ друг к другу в тесной связи с внешними географическими условиями создает свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость» [7, с. 282]. Савицкий предлагает новый подход, суть которого в соединении социально-исторической среды, территории и духовного состояния народа, здесь проживающего. Мыслитель обращает внимание на глубинную взаимосвязь природных, социальных факторов и духовного мира человека. Соответственно, особую значимость приобретает осознание человеком сопричастности тому месту, тому реальному пространству, с которым роднит и связывает его состояние общности и неразрывности существования. Савицкий считал, что «Россия – Евразия» как «месторазвитие», как «географический индивидуум», как геополитическое образование представляет собой интегральную форму существования многих других «местообразований», составляющих единое целое.

Следуя этой логике, можно сделать вывод о том, что Алтайский край представляет собой уникальное «месторазвитие», которое является частью целого «России – Евразии». Очевидно, что существует система факторов и условий, оказавших влияние на возможность длительного совместного проживания народов, населяющих это пространство: объективные и субъективные, внешние и внутренние,

экономические, политические, географические, социально-психологические, духовные и другие. Из множества факторов наиболее значимыми представляются следующие.

Во-первых, это неповторимость, своеобразие Алтайского края как «месторазвития», как географического пространства, обладающего уникальной природной и духовной энергетикой. Алтайский край расположен между основными цивилизационными центрами: европейский Запад, Восток и Юг. Природные характеристики этого пространства объединяют народы, проживающие здесь, в единое культурное цивилизационное поле.

Другая важная черта, характеризующая проживающие здесь народы, – это осознание своей самодостаточности и, в то же время, потребности в совместном проживании и укреплении отношений взаимопонимания и уважения.

Не менее важная черта «месторазвития» Алтайского края – уважение, солидарность и культурная терпимость народов по отношению друг к другу, выраженная в толерантности к основным религиям, искусствам, традициям, обычаям, языкам и т. д. Вероятно, основой этой толерантности является общность пространственного положения, «срединный» характер культуры, контакты сопредельных территорий Большого Алтая и, конечно, духовный опыт взаимодействия проживающих здесь народов.

Все эти идеи плодотворны, многократно высказывались отечественными учеными, но данную проблематику нельзя назвать исчерпанной. Очевидна необходимость новых междисциплинарных, интегративных подходов к изучению культурного пространства.

Сегодня в культурологическом осмыслении концепта «пространство культуры» актуальными становятся геосоциокультурные подходы, сочетающие в себе понятия «природная среда – человек – культура»; такой контекст позволит интерпретировать пространство человеческой жизнедеятельности не только как искусственно созданную среду существования, но и как пространство, порожденное соотношением природного и человеческого миров на основе и в единстве историко-культурных, природных и социальных факторов, проявляющих себя в конкретном пространственно-временном континууме – «месторазвитии».

Список литературы

1. Уэйд, Н. На заре человечества: неизвестная история наших предков. Москва, 2019. 407 с.

2. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. Москва, 1992. 542 с. (Мыслители XX века).
3. Гидденс, Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. Москва, 2005. 525 с.
4. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. Москва, 1995. 352 с.

5. Лefевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 3–14.
6. Лотман, Ю. М. Семiosфера. Санкт-Петербург, 2010. 704 с.
7. Савицкий, П. Н. Континент Евразия. Москва, 1997. 461 с.

Olga V. Pervushina, Ph. D. in Cultural Science, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
agaki-pervushina@yandex.ru

CULTURAL SPACE AS “*LOCALLY DETERMINED PROGRESS*” IN THE CONTEXT OF THE EURASIANISM: A CULTURAL STUDIES PERSPECTIVE

Abstract. The paper describes peculiarities of understanding by the today’s humanities and cultural studies a concept ‘space’ which means physical, social, and symbolic types of reality («text») in interrelation and mutual dependence of their specifics and key features. The author outlines analysis of Eurasianists’ views on ‘space’ phenomenon that expressed through Piotr Savitskii’s term «*mestorazvitie*» (which means «*locally determined progress/development*» in Russian) that marks in Russian geocultural thought a specific process of spatiotemporal interaction between society and landscape which accommodating it.

Keywords: culture, cultural space, semiosphere, a text, «*locally determined progress*», social reality, «the Eurasianism», geosocial and geocultural approach.

References

1. Wade N. Na zare chelovechestva: neizvestnaya istoriya nashikh predkov [Before the Dawn: Recovering the Lost History of Our Ancestors]. Moscow, 2019. 407 p. [In Russ.]
2. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [A Human. A Civilization. A Society]. Moscow, 1992. 542 p. (Thinkers of the 20th Century). [In Russ.]
3. Giddens A. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturacii [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, 2005. 525 p.

[In Russ.].

4. Durkheim E. Sociologiya. Eyo predmet, metod, prednaznachenie. [Sociology. Its Object, Method, Assignment]. Moscow, 1995. 352 p. [In Russ.]
5. Lefebvre A. Social’noe prostranstvo [Social Space] // Neprikosnovennyj zapas [Emergency Reserve]. 2010. No. 2. Pp. 3–14. [In Russ.]
6. Lotman Yu. M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg, 2010. 704 c. [In Russ.]
7. Savitskii P. N. Kontinent Evraziya [The Eurasian Continent]. Moscow, 1997. 461 c. [In Russ.]

УДК 008(4/5)

DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-29-34

М. Ю. Спирина, кандидат исторических наук,
Университет при Межпарламентской Ассамблее
Евразийского экономического сообщества (Санкт-Петербург, Россия)
mus931@inbox.ru

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЁРСТВО: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Аннотация. Представлен обзор идейно-философских оснований интеграционных процессов, протекающих между современными государствами Евразии в различных сферах хозяйственной, культурной и духовной жизни. Охарактеризован актуальный статус Большого евразийского партнёрства – международного проекта, нацеленного на укрепление экономических и культурных связей между странами евразийского макрорегиона, на гармонизацию экономических интересов ведущих государств крупнейшего в мире материка. Автор предлагает рассматривать универсальные смыслы традиционных культур народов Евразии в качестве ресурса для идейной консолидации субъектов интеграционных процессов.